

Сергей
Саканский

Друг мой
сыщик

МАНЬЯК МЕРТВЕЦ

Классический
детектив

Друг мой сыщик

Сергей Саканский

Маньяк-мертвец

«Автор»

2011

Саканский С. Ю.

Маньяк-мертвец / С. Ю. Саканский — «Автор», 2011 — (Друг мой сыщик)

В Ялте объявился маньяк: он истязает женщин, как бы карая их за грехи. Один из горожан застал «карателя» на месте преступления и убил его, не рассчитав силы удара в драке. Маньяк мертв, но преступления продолжают: погибла еще одна женщина – наказана за измену мужу. Независимый журналист Жаров настроен мистически: он думает, что маньяк таинственным образом воскрес, даже проверяет его могилу на городском кладбище. Следователь Пилипенко мыслит реально: он действует на основе гипотезы, что все эти убийства имели с самого начала совершенно другой смысл...

Сергей Саканский

Маньяк-мертвец

Классический детектив

На обложке: памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея.
Жанровая картинка: ангел на кладбище.

Оказавшись в желтом, уже достаточно задымленном пространстве пивного зала, Жаров бросил на деревянный стол пачку газет, быстро прошел к прилавку и напузырил себе кружку «Оболони». Первую он выпил залпом, прямо здесь, со второй вернулся к столу, стукнул ею об стол и огляделся по сторонам.

Конец рабочего дня, народ постепенно концентрируется. Уже нельзя позволить себе роскошь отдельного столика и напротив Жарова сидит какой-то человек, более того, он уже нацелился бровью на пачку «Крымского криминального курьера» и готов вступить в разговор.

День у Жарова был тяжелый, как всегда во вторник, перед выходом в продажу очередного номера. По вторникам Жаров с утра до вечера крутился за рулем, поэтому и кружки пива позволить себе не мог. Он забирал из типографии тираж и закидывал его трем крупным дилерам, развозил по пяти магазинам, а завтра с утра ему предстояло объехать еще несколько точек. Эту пачку (представительская часть тиража) он отнесет сегодня в редакцию, где и заночует, так что кружку-другую пива на сон грядущий выпить сейчас можно, тем более что машину он уже поставил на стоянку, а до редакции отсюда пешком пять минут.

– Курьером трудишься? – кивнул его сосед на пачку прессы.

– Угу, – ответил Жаров сквозь очередной глоток.

Это лицо показалось ему знакомым, но он никак не мог вспомнить, где уже видел его раньше.

– Дрянь эту криминальную возишь, – зловеще продолжал навязчивый собеседник.

Жаров молчал.

– И что за ерунду они пишут... – добавил сосед.

Жаров молчал, потому что был не только курьером этой газеты. Он был ее главным редактором, владельцем и учредителем, плюс к тому – автором той самой передовицы, в которую ткнул своим рыбным пальцем угрюмый нетрезвый сосед.

Статью он написал на той неделе, и она ему пока еще нравилась. Некая вольная фантазия о снах и сновидениях, о пророческих кошмарах, которые мучили знаменитых преступников накануне смертной казни. Одна загадочная история действительно имела место, Жаров вычерпал ее в интернете, остальные он выдумал сам – кто их знает, знаменитых преступников, что им там снилось перед вступлением на эшафот?

– А я почитал, пока ты за пивом ходил. На самом деле, не так все это и глупо. Кое-что такое все же есть... Знаешь, кто я?

Он потянулся к Жарову через стол, обдав его запахом вяленого леща. Жаров подумал, что сейчас он признается в зловещем убийстве, которое совершил в школьные годы, чему уже давно истек срок давности, а значит, и похвастаться можно. Но реальность приготовила ему гораздо более причудливый изгиб.

– Месяц назад, – глухим голосом сказал сосед, – мою жену распорол маньяк. И до сих пор его не поймали, так-то.

Жаров наконец, узнал его. Да ведь это же Куравлев! Тот самый Куравлев, муж молодой женщины, зверски убитой маньяком-карателем на Рабочей улице. Подозрение, естественно, поначалу пало на мужа, его допрашивали, Жаров тогда заходил в управление, навестить своего

друга, следователя Пилипенко, а тот был как раз занят с этим Куравлевым. Помнится, у него оказалось какое-то железное алиби, да и обстоятельства убийства снимали с него подозрения. По всем признакам было ясно, что в городе появился маньяк. Он мог нанести свой следующий удар через неделю, через две или более. Пилипенко, который вел это дело, был уже месяц как на взводе, но маньяк, затаившись где-то, не торопился продолжить свое представление...

Жаров глубоко вздохнул, Куравлев истолковал этот вздох по-своему.

– Тяжело, конечно. По вечерам особенно. Входишь в комнату, а там – цветы... Оттого и пью.

Он приподнял свою кружку и с грустью осмотрел ее.

На самом деле, Жарову стало стыдно: эмоция, притаившаяся за его вздохом, была совершенно другой – с отвращением к себе он подумал, что этого человека послал ему удачный случай, и теперь нельзя его упустить. Ведь перед ним сидел великолепный материал для газеты, и ему придется быть немного мерзавцем, скрывая свою радость по поводу грядущей работы...

– Сочувствую, брат, – сказал Жаров. – Может, тебе помочь чем-то? Ты только скажи...

Жаров знал такие ситуации. Как ни цинично это звучит, но пьет-то он оттого, что природный пьяница, и подсознательно использует повод, как бы трагичен и тяжел он ни был. Жаров был готов сделать что-то для этого несчастного – дать ему денег, что ли? Но денег Куравлев не просил. Ему был нужен слушатель. В следующие полчаса Жаров узнал такое, отчего человек, сидевший напротив, заинтересовал его по полной программе...

* * *

Евгений Куравлев был инженером на конфетной фабрике, его жена Нина временно не работала. Как-то раз, вернувшись домой после, откровенно говоря, хорошей пьянки, он обнаружил свою жену мертвой. Преступник убил ее ударом ножа в сердце, усадил на супружескую кровать, а в ладонь вставил скрученную в трубку брошюру. Это была маленькая карманная книжка «Сердце грешницы». Другая рука жертвы сжимала рукоятку столового ножа, который оставался в теле. Это положение также (как было доказано следствием) придал телу убийца. Похоже, он хотел создать показную, карикатурную иллюзию, будто бы женщина, прочитав разоблачительную брошюру, не вынесла позора грешницы и тут же покончила с собой.

Эту часть истории Жаров знал от следователя Пилипенки, который, к тому же, был самым плодовитым внештатником «Курьера» и, кроме того, пытался взять на себя роль цензора. В частности, Жарову пришлось поклясться, что все газетные материалы, касающиеся незакрытого дела маньяка-карателя, будут проходить через него.

Ситуация с маньяком была отвратительной еще и потому, что сейчас был самый разгар весны, все вокруг цвело и распускалось, а это значило, что скоро откроется сезон. Непойманный до начала сезона маньяк стал бы катастрофой для города. Вот почему газетные сообщения на эту тему должны быть особенно корректны.

Дальнейший рассказ Куравлева был смутен, странен и не входил в его официальные показания. Оказывается, утром того дня, когда произошло убийство, Нина рассказала ему сон. Накануне в их почтовый ящик как раз бросили эту брошюру, «Сердце грешницы». Какая-то американская религиозная организация наводнила этими книжками всю Ялту, ее адепты ходили по Набережной ряжеными и пропагандировали супружескую верность, моногамию и, вообще, жизнь без греха.

Нина Куравлева видела сон, будто бы к ним в дом ворвался маньяк. Он был членом этой секты, сам был ряженым и пришел казнить ее. Будто она должна исполнить казнь собственноручно, пронзив свое сердце кинжалом, сердце грешницы. И вот, вернувшись домой тем вечером, Куравлев застал именно такую картину...

* * *

Жаров с любопытством разглядывал соседа. Неуместно было пускаться с ним в околонаучную дискуссию, но Куравлев начал сам:

– Я никогда не верил в вещие сны, даже в детстве. А она верила.

– Это может быть просто совпадением, – неохотно проговорил Жаров. – Принесли брошюру. Она называется «Сердце грешницы». Вот и приснился такой сон. Например, в статье, которую... Вот в этой статье... – Жаров запнулся, вспомнив, что он в данной ситуации случайно играет роль курьера, а не автора. – Там написано, что один преступник накануне своей казни видел сон, что на эшафоте два сизых голубя сели ему на плечи. И что же? Как раз во время казни прискакали двое полицейских с известием, что казнь отменена. Более того, его осудили ошибочно, и он был не преступник, а герой. И за это его повысили в чине, повесили ему на плечи эполеты.

Это была как раз одна из выдуманных им историй. Но была и настоящая. Жаров хотел было ее рассказать, но его собеседник перебил его:

– Нина всегда говорила, что перед катастрофами людям снятся сны, и они, эти сны, в точности предсказывают катастрофы...

Впрочем, может быть, этот человек как раз таким образом и отвлекался от своего горя. Просто говорить о том, что произошло, было бы похоже на желание вызвать жалость к себе. В итоге он все равно, хоть и через другую тему, говорил о своей жене.

И он поведал Жарову еще две истории о сновидениях, довольно широко известных в народе и скучных.

– У меня у самого был такой случай в детстве, – сказал Жаров. – В пионерском лагере, в горах. Ты был в лагере?

И Жаров тоже рассказал историю.

Родители как-то отправили их в лагерь «Тюзлер», что на полпути к Ай-Петри – Витьку Жарова и Вовку Пилипенко. Они были еще не настолько взрослыми, чтобы бегать за девчонками, и вся энергия уходила на страшилки. Их рассказывали на ночь – загробным голосом, когда лежали в палате после отбоя. Днем, в тихий час, когда их насильно укладывали спать, отчего-то пошла мода рассказывать и сны. Постепенно все стали с ужасом замечать, что некоторые сны сбываются.

Например, одному мальчишке приснился сон, будто бы он пошел чистить зубы, а из тюбика, вместо зубной пасты, полезли черви. На другое утро один пионер действительно выдал из своего тюбика дождевого червяка. Следующий раз кому-то приснился сон, будто на забор лагеря свалилась сосна, и тут же оказалось, что это на самом деле произошло.

И вот, в третьем отряде воцарился самый настоящий ужас... Он захватил сначала мальчишескую палату, потом перекатился через коридор к девчонкам. Одной Леночке приснилась злая крыса с горящими глазами, выходящая из-под шкафа, а на другое утро она нашла у себя под кроватью крысу, правда, уже дохлую. Вершиной этого кошмара был сон о том, что машина директора лагеря свалилась в пропасть над Караголем. Вещий сон сбылся, директор, к счастью, успел выпрыгнуть, но на кое-кого настучали со страха, и кое-кого вызвали к начальству...

По мере того, как Жаров рассказывал, Куравлев все больше мрачнел. Странная, неожиданная реакция... Обычно эту историю слушали с радостным интересом, в ожидании концовки, которая все объяснит. Но собеседника, похоже, вовсе не интересовала ни сама история, ни ее концовка. Куравлев нетерпеливо ерзал, по всему было видно, что его посетила какая-то серьезная, неотступная мысль. В конце концов, он угрюмо простился, запрокинул голову с кружкой, допивая остатки, и поспешно вышел из пивной, так и не дослушав неожиданного финала жаровской истории.

Журналист остался сидеть над пачкой своих газет, глубоко задумавшись, вспоминая каждое сказанное им слово. Допив свое пиво, он взял под мышку пачку «Курьера», и в задумчивости добрал до редакции.

Что-то в его безобидном рассказе насторожило Куравлева, каким-то неожиданным образом повернуло ход его мыслей...

Конечно, человек, чью жену зверски убили месяц назад, имеет право на неадекватное поведение. Где-то по городу ходит маньяк, все силы брошены на его поиск, но пока – тщетно. Нина Куравлева была лишь первой жертвой: никто в управлении не сомневался, что вот-вот должно произойти следующее убийство... Куравлев правильно поступил, что не рассказал следователю сон своей жены. Прагматичный Пилипенко сделал бы один возможный вывод – Куравлев и есть убийца.

Он подозревал жену в измене. Нашел в почтовом ящике брошюру и прочитал ее, что еще больше разогрело его гнев. Тут жене снится этот сон. И Куравлев убивает ее, обставляя казнь атрибутами сна.

И все же, эта версия была отброшена. Почему? Что за железное алиби у Куравлева и что за обстоятельства, исключаяющие его причастность к убийству жены?

* * *

Поздно вечером, чуть ли не на автопилоте дойдя до редакции, Жаров все никак не мог утомиться. Теперь его рука постоянно сжимала бутылочку крепкого «Славутича» – после слишком бурного общения с Куравлевым, ему была необходима постоянная химическая поддержка. Он и номер Алиски набирал, держа «Славутич» в ладони.

Алиска работала психологом в милиции, с этой девушкой у Жарова были сложные, запутанные отношения. Последнее время они дошли до такой стадии, что Жаров не мог обратиться к ней иначе, как по служебной необходимости. Ему показалось, что она тоже была рада поводу пообщаться.

– Что ты обо всем этом думаешь как штатный психолог? – спросил Жаров, рассказав ей в общих чертах о встрече с Куравлевым.

– Думаю, что надо сообщить об этом следователю, который ведет дело. И не бойся, что Пилипенко поднимет тебя на смех.

– Я сообщу, – ответил Жаров, хотя и не был уверен в правильности такого решения. – Но сначала хотелось бы с тобой поболтать. Ты ж должна что-то знать о снах и сновидениях! Вот, например, в моей последней передовице, есть такая история, которая произошла на самом деле...

– Не рассказывай, – перебила его Алиска. – Я ведь куплю газету завтра. А если расскажешь, то будет неинтересно читать.

Она помолчала, наверное, собираясь с мыслями. Весенний сквозняк, вместе с чьей-то пьяной песней летевший из распахнутой форточки, шевелил на столе бумаги. Жаров слышал ее дыхание, ему стало грустно. Еще недавно оно было рядом с ним, полностью принадлежало ему. Теперь кто-то другой слушает эту тихую музыку...

Алиска говорила, будто читая какой-то готовый текст, как всегда, быстро и четко:

– Сон на самом деле может предугадать будущее, если признаки этого будущего найдутся в настоящем. Например, тебе снится сон, что ты провалился на экзамене. А ты плохо готовился, ты знаешь, что можешь не сдать и боишься этого. В ночь перед экзаменом тебе снится сон, что ты провалился. Днем ты естественно, получаешь неуд. Не потому, что тебе приснился вещий сон. И сон, и неуд имеют одну причину – ты не подготовился к экзамену, олух!

– Спасибо, –отреагировал Жаров. – Ну, а в данном случае?

– Супруге Куравлева действительно мог присниться сон, что ее кто-то убьет, если она изменяла мужу, если он грозил ей и так далее.

– Но почему ей приснился не муж, а какой-то маньяк?

– А вот почему: у мужа были определенные склонности, она ведь это хорошо знала. Возможно, он проделывал с нею в постели какие-нибудь жестокие штучки. Вот и возникла ассоциация: муж – палач, который, в образе ряженого, наказывает ее за измену, сердце грешницы – брошюра, она сама виновата – сама пронзает себя ножом. Поэтому я и говорю: расскажи Пилипенке, хоть оно и выглядит, как бред. Любой маньяк когда-то начинается. Кто может поручиться, что после убийства своей жены этот Куравлев на самом деле не станет маньяком?

* * *

Повесив трубку, Жаров вспомнил разговор с Куравлевым. Он не говорил прямо, что жена была ему неверна, но Жаров догадался, что по этой части в его семье было неблагополучно.

Вот уже месяц следствие велось по нескольким направлениям. Поиски любовника были безрезультатны: Куравлев ничего не мог или не хотел сказать по этому поводу, опрос соседей и подруг жертвы также не дал результатов.

Само собой приходило на ум, что убийство как-то связано с деятельностью секты борцов за нравственность, но никакой зацепки, кроме брошенной в ящик книжицы, обнаружить не удалось. Однако именно на ней, на глянцевой поверхности обложки, на свежей типографской краске, и были найдены отпечатки пальцев, скорее всего, оставленные убийцей. В базах данных эти отпечатки не значились, не принадлежали они ни работникам типографии, печатавшим книгу, ни той разносчице, которая бросила книгу в почтовый ящик. Впрочем, последнее объяснялось: девушки из секты ходят в маскарадных костюмах, а костюмы комплектуются легкими белыми перчатками, не столько для защиты от холода, сколько для символического имиджа чистоты...

Главная версия следствия была такова. Маньяк, которого прозвали Карателем, взял на себя миссию наказания некой неверной жены, о чем недвусмысленно свидетельствовала обстановка преступления. Следующей его жертвой тоже должна стать чья-то гулящая жена. Логично рассуждать так же, как и он, и представить, каким образом Каратель может найти очередную жертву.

Где обычно встречаются любовники? В гостиницах, на частных квартирах, сдаваемых внаем. На автовокзале можно снять комнату на одну ночь без всяких проблем. В гостиницах дороже, и надо предъявлять паспорта. Сотрудники гостиниц были проверены в первую очередь, равно как и старушки, сдающие комнаты. Конечно, старушками их называли чисто условно, чтобы упорядочить терминологию. Были среди них и молодые люди, этих проверили прежде всего. Одна из гипотез заключалась в том, что некто, например сын хозяйки, которая сдавала гнездо любовникам, может увидеть будущую жертву и выследить ее...

Это, конечно, на тот случай, если маньяком все же не был сам Куравлев. Жаров, чувствуя себя еще достаточно словоохотливым на сегодня, позвонил, несмотря на поздний час, своему другу-следователю, чтобы огорошить его сенсационным рассказом.

Но Пилипенко явно скучал, слушая его. Затем прервал, не дав договорить до конца:

– Все бы ничего, только одна мелочь не вписывается. Дело в том, что у этого Куравлева железобетонное алиби. Три человека подтвердили, что он весь вечер находился в другом месте.

– А как ты объяснишь вещий сон жертвы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.